

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2021 – 2022 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Ксения Драгунская

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДЕРЕВА

Приятно поутру встретить добрую умную собаку с тёплыми ушами. Вот Тёме сегодня повезло. Идёт через двор, а навстречу – собака. Уши тёплые-тёплые. Тёма специально потрогал. И она ему ничего не сказала. Посмотрела своими умными глазами с пониманием и пошла, мохнатая, дальше. И Тёма тоже дальше пошёл. Вдруг слышит, кто-то вздыхает. Сначала один раз, а потом и второй. Так печально и тихо: «Ах ты, боже мой, ах ты, ох-ох-ох...» Тёма оглянулся. Вокруг никого не было. Только старое чёрное Дерево росло себе и росло.

– Дерево, – спросил Тёма строго, – это ты тут охаешь?

– Я, детка, – ответило Дерево и опять вздохнуло.

– Что же ты вздыхаешь? – удивился Тёма. – Или тебе не нравится жить в нашем чудесном городе, где столько всего интересного?

– Очень нравится, детка, – ответило Дерево. – А вздыхаю я потому, что у меня сегодня день рождения.

– Вот это да! – удивился Тёма. – А я и не знал, что у деревьев бывают дни рождения.

– Сегодня мне исполняется двести тридцать два года, – грустно сказала Дерево и вздохнуло ещё раз.

Тёма даже отошёл подальше и запрокинул голову, чтобы оглядеть Дерево со всех сторон.

– Значит, ты старше меня на двести двадцать пять лет, – сосчитал он. – Пожалуй, я буду называть вас на «вы». Вы как мой прапрапрадедушка.

– Да, – вздохнуло Дерево. – Я было совсем маленьким ростком, когда в этом городе и вообще на всём белом свете не было ещё ни жвачки, ни электричества.

– Что же вы вздыхаете, если у вас день рождения?! – воскликнул Тёма. – Вам, наверное, надарили кучу подарков! А какие подарки дарят деревьям?

– Никто мне ничего не подарил. Никто не знает, что у меня день рождения.

– Давайте я вам что-нибудь подарю! – предложил Тёма. – Хотите толстый зелёный фломастер? Или апельсин? Или...

– Скажи, детка, а хорошо ли ты учишься? – спросило Дерево.

– Хорошо, хорошо! – похвастался Тёма. – У меня только по пению четвёрка, потому что я громче всех пою. А остальные пятёрки, все до одной.

– Значит, ты не безобразник? – догадалось Дерево.

– Нет, что вы! Я – командир всех пускателей бумажных корабликов.

– Какая неприятность, – сказала Дерево и вздохнуло совсем грустно. – Куда же подевались настоящие безобразники? Или хотя бы просто озорники? Раньше их было хоть пруд пруди. А теперь – кот наплакал. Ах, какие раньше были замечательные безобразники и озорники. Они все залезали на меня и сидели на моих ветках. Это было так здорово, так приятно. А одна девочка даже построила дом во-он там, наверху, между теми ветками. Это была самая большая безобразница. Когда её ругали дома, она прибежала, вскарабкивалась на мои ветки и пряталась. А потом её родители стояли внизу и упрашивали спуститься. И тогда она кидала в них шишками. А потом девочка выросла и забыла меня.

– Какими шишками? – удивился Тёма. – Разве же вы ёлка?

– Я? – задумалось Дерево. – Нет, я не ёлка. Значит, она кидала в них желудями.

– Но вы совсем не похожи на дуб! – воскликнул Тёма.

– Да, пожалуй, – согласилось Дерево. – Знаешь, детка, я так давно живу на свете, что даже не помню, дуб я, или тополь, или ещё кто-нибудь. Но это не важно. Главное, что я очень скучаю без озорников. Вот если бы кто-нибудь сидел на моих ветках и болтал ногами – я бы так обрадовалось, так обрадовалось.

Тёма подпрыгнул, чтобы ухватиться за самую низкую ветку, но так и не дотянулся.

– Ладно, не грустите, – сказал Тёма. – Стойте и ждите. А я что-нибудь придумаю.

Тёма побежал в школу. Пока он разговаривал с Деревом, уже давно начался урок. И Тёма опоздал. А учительница Лизавета Андреевна была очень строгая. Она была до того строгая, что её боялись не только ученики, но и всякие вещи. То доска перепугается и спрячется, то сумка исчезнет. Тёма прибежал в класс, а Лизаветы Андреевны ещё не было. Она сама опоздала. Ждала трамвай на остановке, и, когда трамвай приехал, она так строго на него посмотрела, что трамвай испугался, попятился и уехал задним ходом. А строгой Лизавете Андреевне пришлось идти в школу пешком.

Тёма первым делом спросил у главного двоечника Чмокина:

– Чмокин! Можешь на одно дерево залезть?

Чмокин говорит:

– Я куда хочешь залезть могу, но не могу никуда лезть – я слово дал, честное благородное слово, вести себя прилично.

Маня Симпатьягина сказала:

– Тёма, если тебе очень надо, то я могу на дерево залезть.

Гоша Нямский как захохочет:

– Ты? На дерево? Ты же староста! Видали – староста на дереве!

Маня обиделась:

– Ну и что, что я староста! Зато я на велосипеде ездить умею, стоя и без рук.

Тогда Глаша Стекляшкина спросила:

– А зачем тебе на дерево? У тебя там что-нибудь случайно застряло?

– Да нет! – сказал Тёма. – Просто у этого Дерева сегодня день рождения. Ему исполняется двести тридцать два года. А его ещё никто не поздравил. И ничего ему не подарил. Поэтому надо скорее залезть и сидеть на его ветках – потому что больше всего на свете это Дерево любит, когда всякие безобразники сидят у него на ветках и болтают ногами.

– Что же ты раньше сразу не сказал? – воскликнула Стекляшкина, и все побежали залезать на Дерево.

И залезли. Все! Вдвдцатером. Сидят и ногами болтают.

– До чего же хорошо, до чего же здорово! – говорило Дерево. – Вот теперь я чувствую, что у меня сегодня настоящий праздник.

Ветки у Дерева были такие толстые, сильные и надёжные, что на них можно было сидеть, как на скамейке, и видеть небо, которое оказалось совсем близко.

Но в это время мимо проходил директор школы Джон Николаевич. Он сегодня тоже опаздывал в школу. Но не потому, что от него уехал трамвай. А потому, что у него потерялся дедушка. Это случилось давно, когда Джон Николаевич был маленьким. Дедушка ушел за бубликами и куда-то с тех пор запропастился.

А сегодня утром от дедушки пришло письмо. Дедушка писал, что у него всё хорошо и что он стал наконец королём на одном острове в Тихом океане. Джон Николаевич так обрадовался, что даже не поверил. Он решил, что это он спит и ему всё снится во сне. Поэтому он попросил соседей, чтобы они его ущипнули. Но они ущипнули его слишком сильно, и пришлось даже вызывать доктора.

Поэтому директор школы Джон Николаевич сегодня немножко опаздывал на работу и теперь шёл дворами, чтобы покороче. Вдруг видит – на большом чёрном Дереве много всего пёстрого торчит. Пригляделся получше, сощурился повнимательнее, очки протёр – да это же целый класс на ветках расселся и ногами болтает.

Джон Николаевич удивился:

– Дети! Вы почему на Дереве, а не на уроке?

– А мы это Дерево с днём рождения поздравляем.

Джон Николаевич хотел было тоже на Дерево залезть, подпрыгнул, но не дотянулся. Тогда он пошёл в школу. И видит, Лизавета Андреевна стоит посреди пустого класса.

Джон Николаевич ей говорит:

– Не беспокойтесь, всё в порядке, ваши дети на Дереве. Во-он там, во дворе.

Лизавета Андреевна сделала самые строгие глаза и пошла к Дереву. Тёма и его друзья сверху увидели Лизавету Андреевну и думают: «Ну всё. Караул». А она уже совсем близко! И тут Дерево протянуло свою чёрную ветку, погладило её по голове и сказало:

– Это ты, Лизавета?

Она говорит:

– Да, Дерево, это я.

– Чего же ты так давно не приходила? – спросило Дерево. – Неужели ты забыла меня?

– Нет, нет, я тебя совсем не забыла, – ответила она. – Просто дел как-то много. Даже некогда на Дереве посидеть. Но я тебя помню, ты не думай. Ты всё равно моё самое любимое Дерево.

– Я тебя тоже всё время помню, – сказало Дерево. – Ты самая настоящая безобразница из всех безобразников. Ты так здорово кидалась шишками... Или каштанами?..

Лизавета Андреевна так ловко подпрыгнула, что сразу оказалась высоко на ветке старого Дерева и прислонилась к стволу. А ствол был такой широкий, что, даже если бы Лизавета Андреевна, Джон Николаевич и Тёма, и Глаша взяли за руки, их рук все равно не хватило бы, чтобы обнять старое Дерево.

Дерево было так счастливо. Теперь у него был настоящий день рождения.

1993 (?)

Светлана Кекова

Никому не клялся, не лгал, не давал зарока,
по земле ходил, как печальный монах-расстрига...
В виде речки мелкой текла по земле дорога,
и шальные птицы без нот исполняли Грига.

Взяв ковригу хлеба и соли в льняном мешочке,
сколько чёрствых крох ты оставил в вагонах спальных?
А теперь на праздник ты сыну везёшь и дочке
в золотом ларце скорлупу от яиц пасхальных.

Голубь клюв зарыл в оперенье своей голубки
и воркует, стонет на птичьей своей латыни,
им бы тоже, бедным, склевать по одной скорлупке,
да лихая жизнь приучила беречь святыни.

И земля куда-то под вальс уплывает венский,
голубям шальным не видать твоего подарка –
пусть клюют по крупке слежавшийся снег крещенский
из чужой руки у собора святого Марка.

2020